

Капитализм и демократия

А.Д. Керимов

В статье рассматривается проблема соотношения и взаимодействия капиталистической системы и демократического политического режима. По мнению автора, высший слой мировой буржуазии совершенно подчинил себе демократию, умело приспособил её идеологию, структуры и институты к своим нуждам. Более того, именно она на современном этапе исторического развития оказалась наиболее приемлемой для капиталистической элиты и посему наиболее востребованной формой её властвования.

Объяснение этому феномену видится автору не столько в искусности, умелости и виртуозности власть имущих, сколько в изначальной порочности самой демократии, в её априорной насыщенности разнообразными дефектами и недостатками. В работе анализируются лишь те из них, которые представляются самыми важными в контексте означенной темы. Среди такого рода изъянов, прежде всего, выделяется отсутствие серьезно содержательного наполнения демократии и выясняются его причины.

Другой недостаток демократии, непосредственно вытекающий из вышеупомянутого, заключается в том, что она на всём протяжении своего существования выказывает неспособность обеспечить перманентное и значительное присутствие в стане правящего класса наиболее достойных (с точки зрения уровня интеллектуального развития, профессиональных навыков и моральных качеств) представителей нации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демократия, капитализм, идеология, политический режим, правящая элита, революция, народ, средний класс, монархия, аристократия.

КЕРИМОВ Александр Джангирович – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 19606, просп. Вернадского, д. 82. Журнал «Российский журнал правовых исследований», Москва, 119002, Староконюшенный пер., д. 19/31.

Доктор юридических наук, профессор РАНХиГС, главный редактор «Российского журнала правовых исследований», член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

8017498@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19 ноября 2018 г.

Цитирование: *Керимов А.Д.* Капитализм и демократия // *Вопросы философии.* 2019. № 4. С.12–23.

В своё время блестящий французский интеллектуал XIX столетия А. де Токвиль задался вопросом, который сам он, очевидно, считал риторическим: «Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами?» [Токвиль 2000, 23] Победа эта была столь безоговорочной, яркой и значительной, а триумфальное шествие демократии столь наглядным, стремительным и неудержимым, что озвученный вопрос и в самом деле представлялся риторическим. И действительно демократия, пожалуй, не отступила ни перед капиталистами, ни даже перед их верхним слоем, самыми состоятельными и влиятельными из них – олигархами. Если бы это случилось, то всегда сохранялась бы надежда, что положение можно с течением времени исправить, отвоевать утра-

ченные позиции. Но история очередной раз преподнесла нам коварный сюрприз. Произошло, увы, нечто гораздо худшее, что с трудом поддаётся коррекции, если вообще поддаётся. Благодаря изначально заложенным в демократии порокам, магнатам капитала к их вяшему удовольствию удалось, если можно так выразиться, полностью приручить её, прибрать к рукам. Умело овладев демократической идеологией, мастерски освоив соответствующие формы, приёмы и методы обретения и удержания власти, правящий класс идеально адаптировал их к реалиям потребительского общества, виртуозно приспособил к своим нуждам. Он **всецело подчинил себе демократию, поставил её на службу собственным интересам**, начисто лишив её всего ценного, безжалостно выхолостив её изначально задуманное благородное содержание и высокое предназначение, беспощадно извратив её исконные бескорыстные смыслы.

Произошло это уже достаточно давно и, разумеется, было замечено многими выдающимися умами прошлого. Так, в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В.И. Ленин пишет: «Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению со средневековьем, всегда останется — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных» [Ленин 1969^а, 252]. И далее: «Если рассуждать по-марксистски, то приходится сказать: эксплуататоры неминуемо превращают государство (а речь идёт о демократии, то есть об одной из форм государства) в орудие господства своего класса, эксплуататоров, над эксплуатируемыми. Поэтому и демократическое государство, пока есть эксплуататоры, господствующие над большинством эксплуатируемых, неизбежно будет демократией для эксплуататоров» [Ленин 1969^а, 259–260]. Годом ранее в другой своей работе «Государство и революция» он подчёркивает: «Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма, и потому капитал, овладев ... этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надёжно, настолько верно, что *никакая* (выделено В.И. Лениным — *Примеч. авт.*) смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти» [Ленин 1969^б, 14].

Разумеется, в том же ключе высказывался ранее Ф. Энгельс. Ещё в 1884 г. в письме Э. Бернштейну от 24 марта он настаивает на том, что последовательной формой господства буржуазии является именно демократическая республика (см.: [Маркс, Энгельс 1964, 112]). Другое дело, что к тому времени, как свидетельствует далее великий философ, она «сделалась слишком опасной вследствие уже достигнутой пролетариатом ступени развития, но, как показывает пример Франции и Америки, она всё ещё возможна как прямое господство буржуазии» [Там же]. К сожалению, это «всё ещё» затянулось вплоть до наших дней, на что, конечно же, не рассчитывали не только основоположники марксизма, но и многие другие провозвестники коммунистического будущего человечества.

Следует с прискорбием признать, что именно в рамках демократии, ни в коем случае не отказываясь от неё, а напротив, искусно деформируя и используя её, капиталу удалось не только удержать, но и **существенно укрепить свою власть**, особенно после **разрушения СССР** и мировой социалистической системы¹. Демократическая республика удивительным, неожиданным и парадоксальным образом стала для буржуазии (благодаря перманентно и энергично предпринимаемым с её стороны различного рода весьма грамотным действиям, ловким манипуляциям и всевозможным хитроумным махинациям) совершенно безопасным, абсолютно безвредным, более того наиболее удобным способом существования. Но в чём, по-видимому, Ф. Энгельс прав, так это в том, что «демократическая республика всегда останется *последней* (выделено Ф. Энгельсом — *А.К.*) формой господства буржуазии — той формой, в которой ему приходит конец» [Маркс, Энгельс 1964, 113]. Оговорка «по-видимому» в данном случае необходима: нельзя полностью исключать того, что мировая капиталистическая элита в не столь уж отдалённом будущем сочтёт целесообразным отказаться даже от видимости демократии, разрушить даже её фасад и начать использовать откровенно тоталитарные формы и методы властвования.

В сущности, для этой элиты вообще неважно, какой политический режим, демократический, авторитарный или тоталитарный (равно как и какая форма правления и административно-территориального устройства) наличествует в руководимом ею том или ином государственно организованном социуме. Вопрос этот для неё никак не представляется принципиальным или, тем более, основным, а является скорее второстепенным, малосущественным, не достойным особого внимания в известном смысле даже презренным, ибо относится к разряду вопросов сугубо тактического, а отнюдь не стратегического уровня. Представители мировой буржуазной элиты втайне смеются над теми слоями обывателей и интеллигенции, которые всерьёз дискутируют по этому поводу. Иными словами, глубоким и вместе с тем весьма досадным заблуждением (а таковое, к сожалению, имеет место и, надо признать, даже очень широко распространено) было бы искренне полагать, что демократия имманентно входит в число аксиологических установок и ценностных ориентиров всего правящего класса. Подобного рода простодушие, как показывает история, дорого обходится эксплуатируемым.

Конечно, нельзя не заметить, что отдельные представители власти имущих (порою довольно-таки высокопоставленные) очевидно одурманены демократической идеологией. Однако это совершенно не относится к их высшей касте — олигархам. Последние не питают здесь ни малейших иллюзий. Они озабочены в первую очередь собственными классовыми интересами, вместе с тем достаточно, если не сказать, крайне прагматичны, по-сему вполне способны абстрагироваться от несущественного и всецело сконцентрироваться на предопределённой их материальным и социальным положением жизненной стратегии. Политический режим, будь то демократия, авторитаризм или тоталитаризм в их различных формах, вариациях и разновидностях есть в понимании господствующей элиты как любого отдельного капиталистического государства, так и в мировом масштабе **лишь средство для реализации намерений куда более значимых**, первостепенных, способ достижения целей гораздо более высокого порядка.

В качестве именно таковой, т.е. наиглавнейшей цели выступает стремление во что бы то ни стало сохранить статус-кво: сложившуюся в течение нескольких последних столетий капиталистическую систему и свою непрерываемую власть в рамках названного экономического и политического строя. Естественно, что для этого, по мнению правящей элиты, все средства хороши и, следовательно, подходит любой политический режим, лишь бы он эффективно работал на достижение означенной цели. На данный момент это и есть демократия.

Но речь, конечно же, идёт отнюдь не только о сохранении власти, а об её всемерном, максимально возможном упрочении. Здесь, однако, мы должны обратить внимание на одно чрезвычайно важное обстоятельство. Капиталистический нобилитет ни в коем случае **не намерен довольствоваться ролью верхнего слоя среднего класса**. Он не желает быть обычной, пусть даже весьма зажиточной, хорошо обеспеченной социальной группой, некой просто богатой стратой. Этого ему явно недостаточно. Более того, возможность оказаться в таком положении его ужасает, ибо её воплощение в реальности было бы равносильно утрате самосознания, чувства собственной значимости и полноценности, потери идентичности, крушению всех идеалов и жизненных установок. Правящая элита **мнит себя гораздо выше: она — властелин мира**. Поэтому когда в 70-80 гг. прошлого столетия возникла угроза её всевластия, началось решительное наступление не только на бедных, но и на средний класс. С течением времени его доходы стали сокращаться. Доходы же сверхбогатых, напротив, непрерывно росли. Это было особенно характерно для форпоста капиталистической системы — США. Процесс зашёл слишком далеко. Большая часть населения почувствовала себя обманутой, оказалась недовольна сложившимся положением вещей и соответственно политикой истеблишмента, чем умело воспользовалась конкурирующая фракция властвующей элиты. Фракция эта, надо полагать, искренне и вполне обоснованно считала, что проводимая оппонентами политика слишком рискованна, ибо чревата социальным взрывом и по-сему неразумна. В результате к власти и пришёл её яркий представитель — Д. Трамп. Такова, с нашей точки зрения, описанная весьма схематично и предельно упрощённо основная, сущностная причина его победы.

Примечателен тот факт, что многие исследователи не только в нашей стране, но и за рубежом демонстрируют потрясающую наивность и пугающую недалёковидность, расценивая победу Д. Трампа на президентских выборах в США как настоящую революцию. Разумеется, такая оценка глубоко ошибочна, не имеет ничего общего с действительностью. **Никакой революции не произошло.** Пожалуй, наиболее глубоко и всесторонне проблематику социальной революции исследовали классики марксизма-ленинизма. Приведём лишь два их суждения. К. Маркс в Предисловии к книге «К критике политической экономии», изданной в Берлине в 1859 г. отмечает: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» [Маркс, Энгельс 1959, 7]. В работе «Письма о тактике», написанной в 1917 г., В.И. Ленин подчёркивает: «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *к л а с с а* (выделено В.И. Лениным – А.К.) есть первый, главный, основной признак *революции* (выделено В.И. Лениным – А.К.) как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» [Ленин 1969^а, 133].

Помимо основоположников марксистско-ленинской теории многие учёные обращались и обращаются к тематике социальной революций, предлагали и продолжают формулировать собственные её дефиниции. При этом все исследователи (почти все) выказывают единомыслие относительно определяющих её признаков. Как правило, революция с необходимостью предполагает качественные изменения в основополагающих сферах человеческого бытия, переход к новой общественно-экономической формации, к принципиально иному способу производства и политическому устройству социума, свержение старой и установление новой власти, зачастую сопровождаемые акциями насильственного характера.

Если оценивать с этих позиций и по этим критериям последние прошедшие в США президентские выборы, то становится ясно, что ни о какой революции не может быть и речи. Налицо сохранение существующей общественно-экономической и политической системы, отсутствие сколь-нибудь серьёзных насильственных действий. Произошла лишь банальная смена одной группировки властвующей элиты другою со всеми вытекающими отсюда последствиями. И произошла эта смена не только в рамках, но и благодаря демократии, с использованием имманентно присущих ей и характерных исключительно для неё форм и методов политического противостояния.

Теперь перед нами с логической неизбежностью возникает закономерный вопрос, точнее, череда однопорядковых и архиважных вопросов. Почему именно демократия обнаружилась такую восприимчивость к пагубному воздействию на неё со стороны капиталистического правящего класса? Почему она «позволила» подчинить себя и, более того, всемерно способствовала упрочению капиталом своих позиций как на внутрисоциальном, так и на международном уровне? Почему она оказалась наилучшим образом приспособленной к обеспечению всевластия буржуазии, особенно крупной? По нашему глубокому убеждению, одной из наиболее существенных причин именно такого сценария развития событий является, тот факт, что она, как уже отмечалось в начале статьи, изначально несёт в себе немалое количество изъянов. Внутренне и априори присущие демократии недостатки (по крайней мере, наиболее значимые из них) обуславливают принципиальную невозможность, оставаясь в её узких рамках, разрешить одно из наиболее значимых, фундаментальных социальных противоречий – **великое противостояние между бедными и богатыми**, извечный непримиримый антагонизм и испокон веков

длящаяся ожесточённая борьба между ними. В.И. Ленин безусловно прав, утверждая в своей известной заметке «Успехи американских рабочих», опубликованной в газете «Правда» (1912 г.), что никакая демократия в мире не устранит ни классовую борьбу, ни всеилия денег [Ленин 1968, 109]. Впрочем, эта мысль красной нитью проходит через многие его произведения, равно как, разумеется, и труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Прозорливость этих поистине великих мыслителей и политических деятелей подтвердило время. Демократия, конечно же, не в состоянии одолеть буржуазию. Капиталисты же, в первую очередь их верхний слой (гипербуржуазия, космократия), как красноречиво свидетельствует современная историческая практика, с успехом и, кажется, без особого труда окончательно победили демократию в том смысле, что полностью приспособили её для обеспечения своих классовых интересов.

Попытаемся в связи с изложенным выявить и осмыслить те её недостатки, которые, помимо прочего, собственно и привели к столь трагическим последствиям. Каковы же основные несовершенства, дефекты демократии? Ответить на этот вопрос, казалось бы, сравнительно легко. Прежде всего в силу того обстоятельства, что изъяны демократии, особенно за истекшее столетие, проявились со всей очевидностью; да и о многих из них известно с незапамятных времён². Но, вместе с тем, это и осложняет нашу задачу, ибо чётко и ясно изложить и объяснить общеизвестные факты зачастую бывает достаточно трудно. Всё же попробуем это сделать.

Первый наиболее существенный недостаток демократии связан с её **содержательным наполнением**. Приходится констатировать, что оно ничтожно. Этот глубинный порок демократии был обнаружен и блестяще описан более века назад великим русским философом Н.А. Бердяевым и с тех пор, как это ни поразительно, был практически предан забвению. Обращаясь к духовным первоосновам, осмысливая саму идею демократии, он подчёркивает, что «она сама не знает своего содержания и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания» [Бердяев 1991, 466], что она «не хочет знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочет подчинить волю народа никакой высшей цели» [Там же].

Действительно, демократия, оказавшись изначально в плену у своего собственно доминантного, по сути, определяющего её признака или, если угодно, её руководящего начала, главного принципа (которым она «дорожит превыше всего и который ничему не хочет подчинять» [Там же]), а именно — волеизъявления большинства, как достаточного и единственного основания для принятия решений и (или) осуществления выбора, сразу же обнаружила свою **бессодержательность**. Ведь названный принцип — суть принцип сугубо формальный, беззащитно отдающий вульгарным механицизмом, призывающий всегда и при всех обстоятельствах покорно склонять голову перед численным превосходством. Демократия, как совершенно справедливо отмечает Н.А. Бердяев, «предоставляет раскрытие истины решению большинства голосов» [Там же]. А почитание, по сути, культ исключительно количественного начала, признание, «власти количества, поклонение всеобщему голосованию возможны лишь при неверии в истину и незнании истины. Верующий в истину и знающий истину не отдаёт её на растерзание количественного большинства» [Там же].

Демократия, руководствуясь прежде всего принципом волеизъявления большинства, пугающе безразлична к качеству, нравственному и интеллектуальному его содержанию. Она вовсе не озабочена обнаружением далеко не всегда очевидной, а зачастую, напротив, сокровенной, глубинной направленности, целеустремлённой сосредоточенности этой воли. В результате демократия выступает довольно примитивным организационным **механизмом**, не более чем незамысловатой **технологией**, предлагающей удручающе простой и очевидно неадекватный способ формирования государственно-властных структур и управления современными чрезвычайно сложными и с течением времени всё усложняющимися общественными системами.

Наше критическое отношение к демократии многократно усиливается по мере ясного осознания того, что названный её недостаток в полной мере вообще неустраним. Это понимают, скорее, инстинктивно чувствуют и её апологеты. Стремясь всеми силами максимально нивелировать описанный изъян демократии, они искусно

изобретают и внедряют всё новые и новые её виды. Следует признать, что порой они достигают здесь некоторых незначительных успехов. О какой только демократии не писали и не пишут, какие только её модели и разновидности не обсуждались и не обсуждаются в научных, околонучных, политических и журналистских кругах. Помимо давно известной и реализуемой на практике прямой и представительной демократии говорили и продолжают говорить о суверенной, делиберативной (совещательной), консенсусной, мажоритарной, минималистской, партисипативной (демократии участия), плебисцитарной, об управляемой, агрегативной, институциональной, экономической и прочих её видах и концепциях. Но по большей части попытки приверженцев демократии приукрасить её, точнее, адаптировать к новым феноменам социально-экономической и политической жизни, к стремительно меняющимся реалиям общественного бытия всякий раз оказываются тщетными, терпят очередную крах. И это не удивительно. Ведь неизменным, можно даже сказать незыблемым и при этом доминантным остаётся основной её принцип (отказ от него равносильно отказу от самой демократии), а именно, принцип поклонения волеизъявлению большинства, начисто выхолащивающий любое живое содержание, позволяющий с лёгкостью, бездумно и ничтоже сумняшеся в любых ситуациях освобождаться от необходимости нравственного выбора, служения какой-либо вдохновляющей идее или высшей цели.

Описанный нами порок демократии неминуемо порождает следующий. Драматизм ситуации заключается вовсе не в том, что при демократии власть сосредоточена в руках меньшинства, иногда ничтожного меньшинства. (Ведь это неотъемлемый атрибут любого государственно организованного социума вне зависимости от сформировавшегося в нём политического режима). А в том, что меньшинство это вполне может оказаться и нередко оказывается ущербным с точки зрения уровня своего внутреннего, духовно-нравственного и интеллектуального развития. В этом и заключается второй существенный изъян демократии. Она отнюдь **не гарантирует того, что бразды правления непременно попадут в руки наиболее достойных представителей нации.** На этот порок нередко указывали видные учёные прошлого (достаточно вспомнить, например, суждения Н.И. Кареева, А. де Токвиля, Р. Моля). Разумеется, и в наше время многие обществоведы отмечают данный недостаток демократии. Так, по мнению видного теоретика права, члена-корреспондента РАН Г.В. Мальцева, практика проводимых президентских, парламентских и региональных выборов свидетельствует о том, что демократия не способна призвать к государственному правлению людей одарённых и честных [Мальцев 2013, 599].

Окидывая мысленным взором историю человечества, осмелится ли кто-нибудь утверждать, что демократически организованные республики всегда процветают и благоденствуют, ибо их граждане, проживая безмятежно в довольствии и счастье, обладают значительной степенью свободы и реально участвуют в управлении государственными делами, в то время как монархии (и (или) аристократические режимы) загнивают, а их подданные в существенной мере ущемлены в правах, лишены каких бы то ни было возможностей политического самовыражения?³ Есть ли в действительности достаточно оснований полагать, что при демократиях государственное владение в гораздо большей мере, чем при монархиях и аристократиях, зиждется на справедливых и разумных законах, прочных моральных устоях? Или же кто-либо, не погрешив при этом против истины, сможет заявить, что избираемые населением лидеры — например, президенты и парламентарии, во всех случаях оказываются гораздо более знающими, умелыми и мудрыми, порядочными, совестливыми и ответственными руководителями, чем короли, князья, бароны, герцоги, маркизы и другие, власть к которым переходит по наследству? Удивительно, но человечеству понадобилось совсем немного времени, чтобы убедиться, что «новые» власть имущие ни по уровню интеллектуального развития, ни по своим нравственным качествам ничуть не выше прежних. Парадоксально, но факт. Казалось бы, люди, будучи существами разумными и, безусловно желающими себе исключительно блага, в состоянии обеспечить вхождение (путём выборов и иных демократических процедур) во властные

структуры тех, кто наилучшим образом, то есть наиболее профессионально, рационально и справедливо сможет руководить государственно организованным социумом. Но этого, к сожалению, не происходит. Зато зачастую происходит обратное. Посему монархия и аристократия нередко оказываются здесь в выигрышном положении по сравнению с демократией. Это, в частности, объясняется тем, что монархия, по удачному выражению Г.В. Мальцева, «изымает высшую власть в государстве из числа предметов домогательства со стороны одержимых властолюбием авантюристов» [Мальцев 2013, 599].

Здесь, однако, мы вынуждены прервать свои рассуждения одним весьма существенным замечанием с тем, чтобы не быть превратно понятыми. Сказанное не означает, что мы являемся сторонниками монархической или аристократической (рассматриваемой в её классическом понимании, т. е. когда речь идёт о наследственной аристократии) форм политического режима. Они, утверждая вопиющее юридическое неравенство, по самой своей сути чужды принципам социальной справедливости. Уместно в этой связи вспомнить слова одного из основателей и руководителей германской социал-демократической партии и II Интернационала А. Бебеля: «Не может быть оправдано никакое неравенство, кроме того, которое создано природой в виде различия между отдельными людьми» [Афоризмы 1985, 45]. На наш взгляд, данное суждение страдает чрезмерной крайностью. Неравенство между индивидами может быть оправдано, в частности, различием в их заслугах перед социумом. Но даже если согласиться с мнением А. Бебеля, то следует иметь в виду, что и демократия, формально уравнивая граждан с точки зрения возможностей их участия в политическом процессе, отнюдь не обеспечивает их реального равенства и, следовательно, также попирает принципы социальной справедливости.

Итак, демократия сама по себе вовсе не гарантирует, что во власти оказываются лучшие люди страны. Нередко, как свидетельствует всемирно-историческая практика, случается обратное. Н.А. Бердяев занимает в этом вопросе гораздо более радикальную позицию. Он вообще отказывает демократии в способности обеспечивать появление во властных структурах наиболее достойных представителей рода человеческого: «Демократическая идеология количеств не может не вести к царству худших, а не лучших» [Бердяев 1990, 441].

Принимая во внимание изложенное, мы разделяем убеждённость известного американского идеолога консерватизма, историка, политолога и культуролога Р. Кирка, заявившего: «Я не верю, что глас народа есть глас Божий. И я не верю, что какая-либо идеология, даже идеология, обожествляемая под именем Демократии, способна сделать людей счастливыми» [Кирк 2001, 141]. В самом деле, может ли народ (понимаемый в данном случае как большинство населения страны) заблуждаться или заниматься самообманом,⁴ быть жестоким и несправедливым, равнодушным и легковёрным? Иными словами, присущи ли народу все или почти все те пороки, которые свойственны отдельным индивидам? Разумеется, да, хотя бы потому, что народ состоит из индивидов⁵. Достаточно вспомнить в этой связи фашистскую Германию. Впрочем, подобных примеров множество. Все они подтверждают одну простую истину: население может поддерживать, притом чрезвычайно активно, даже самых чудовищных и бесчеловечных властителей.

Однако если пойти дальше и продолжить размышления в заданном направлении, то перед нами с неизбежностью встанет целая череда, по сути своей однопорядковых, но при этом очень непростых вопросов. Какие начала, здоровые или нездоровые, естественные или извращённые преобладают в народе? Какие силы, светлые или тёмные, в первую очередь движут его мыслями и поступками, определяя, тем самым, его природу, его существо? Какие мотивы и установки, нравственные или безнравственные, высокие или низкие, превалируют в сознании народа, руководят его действиями? Чем он, главным образом, увлечён: могущественным стремлением к духовному самоусовершенствованию или неуёмным, разнузданно-гедонистическим, инфантильным желанием удовлетворения плотских потребностей? Чего, выражаясь бытовым языком, в нём больше, хорошего или дурного? В какой мере, наконец, он добродетелен, а в какой порочен?

Применительно к отдельной личности ответить на подобного рода вопросы однозначно, как правило, возможно, хотя и не всегда просто. Когда же речь идёт о целом народе, сделать это гораздо сложнее, тем более что любой народ в той или иной степени (порою весьма существенной) меняется от поколения к поколению. И всё же означенная проблема нашла своё достаточно определённое теоретическое разрешение. Можно констатировать, что за последние столетия как в научном, так и в общественном сознании по преимуществу утвердилась почти полная и безоговорочная вера в народ, в его разум и добродетели⁶. Об этом свидетельствуют не только многочисленные и, кстати, находящие широкое одобрение высказывания выдающихся писателей, учёных, политических деятелей: «Вглядитесь в глубины народные и вы увидите истину», «Бывают бандитские правительства, но не можем быть бандитского народа» (В.М. Гюго); «Народ — средоточие мира, сердце человеческого рода» (Ж.Б.А. Лакордер); «Отдельные личности могут морально разложиться, народ — никогда» (Ю. Фучик); «Народ может не видеть, но он всегда чувствует» (Д. Харрингтон) [Афоризмы 1985, 18–19] и т.п. Об этом свидетельствует, главным образом то, что демократическая идеология в современном, считающемся цивилизованным, мире фактически является господствующей, что в трудах большинства крупнейших мыслителей прошлого и наших дней отстаивается, а в Конституциях многих стран мира так или иначе закрепляется принцип народного суверенитета. В качестве примера приведём лишь несколько соответствующих конституционных положений. Статья 3 (часть 1) Конституции России гласит: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ». В статье 20 (часть 2) Основного Закона ФРГ говорится: «Вся государственная власть исходит от народа. Она осуществляется народом путём выборов и голосования и через посредство специальных органов законодательства, исполнительной власти и правосудия». Статья 3 (абзац 1) Конституции Франции провозглашает: «Национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и посредством референдума». Статья 1 Конституции Японии устанавливает, что статус императора, являющегося символом государства и единства народа, определяется волей народа, которому принадлежит суверенная власть.

Между тем, нельзя не видеть того, что отнюдь не все мыслители придерживаются подобной точки зрения. Так, например, А. Шопенгауэр, критикуя Ж.-Ж. Руссо, высказывает явное неверие в добродетельность всего человеческого рода. Великий пессимист XIX в., в частности, пишет: «Вообще, основная черта и первооснова всей философии Руссо заключается в том, что вместо христианского учения о первородном грехе и изначальной испорченности человеческого рода он выставил принцип изначальной доброты последнего и его безграничной способности к совершенствованию, которая будто бы сбилась с пути только под влиянием цивилизации и её плодов; на этом и основывает Руссо свой оптимизм и гуманизм» [Шопенгауэр 1998, 65]. С этих же позиций критикует Ж.-Ж. Руссо и Н.А. Бердяев. «В основе демократии, — настаивает он, — лежит оптимистическая предпосылка о естественной доброте и благостности человеческой природы. Духовным отцом демократии был Ж.-Ж. Руссо, и оптимистические представления его о человеческой природе передались демократическим идеологиям. Демократия не хочет знать радикального зла человеческой природы. Она как будто бы не предусматривает того, что воля народа может направиться ко злу, что большинство может стоять за неправду и ложь, а истина и правда могут остаться достоянием небольшого меньшинства» [Бердяев 1991, 467]. По мнению М. Горького, всякий народ есть стихия анархическая, ибо он «хочет как можно больше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей» [Борохов 2001, 307]. Также откровенно негативную характеристику народа мы находим у швейцарского поэта и прозаика XIX–XX столетия Р. Вальзера: «Народ любит, чтобы ему угождали, чтобы с ним были то по отечески ласковы, то строги. Так его можно расположить даже к войнам» [Там же].

Мы, конечно же, вовсе не претендуем на то, чтобы предложить в настоящей статье окончательное решение сложнейшей философской проблемы соотношения

возвышенных и низменных, духовных и бездуховных, добродетельных и порочных начал в том или ином народе, человечестве в целом, а ограничиваемся лишь констатацией важности её постановки, а также бесспорным, на наш взгляд, утверждением: **народ (как и отдельная личность) вовсе не застрахован и от необдуманных действий, и от неверного выбора.** Народ, как показывает практика, нередко обеспечивает приход к власти людей недостойных. Власть же, как известно, развращает даже сильные и высоконравственные натуры. Что уж говорить о людях изначально испорченных и непорядочных. Последние, получив в свои руки бразды правления, со временем превращаются в настоящих монстров и, тем не менее, зачастую продолжают пользоваться доверием и поддержкой широких народных масс.

Так происходит не только потому, что массы эти обнаруживают в таких случаях свои далеко не лучшие качества, демонстрируют, крайний эгоизм и близорукость, полное равнодушие и беспринципность, закрывая глаза на преступные деяния властвующей элиты, если они не затрагивают их обывательских интересов. Есть и другая, часто наблюдаемая в истории причина лояльности народа по отношению к преступной правящей клике. Она достаточно банальна: сознанием народа можно легко манипулировать. Ведь зачастую он руководствуется не здравым смыслом, не твёрдым, основанном на достоверной информации и истинном знании убеждением, а, по сути, поверхностными оценками, иррациональными иллюзиями, неосознанными инстинктами и сиюминутными побуждениями.

Манипулирование сознанием народа успешно осуществляют СМИ, находящиеся, как правило, в руках того же господствующего класса. Американский учёный XX в. Г. Шиллер подчёркивает: «Заправили средствами массовой информации Америки создают, обрабатывают, ловко оперируют и полностью контролируют распространение информации, которая определяет наши представления, установки, а в конечном счёте и наше поведение» [Шиллер 1980, 19]. Такая ситуация характерна для всех развитых стран. Подавляющее большинство граждан практически любого современного государства (что особенно характерно для крупных стран с большим количеством населения) вообще никогда лично не видит, не встречает своих политических лидеров и, само собою, не общается с ними (это привилегия чрезвычайно узкой группы лиц). У рядовых обывателей нет ни малейшей возможности воочию, самолично убедиться в их способности или же, напротив, полнейшем неумении руководить социумом, проводить разумную и сбалансированную политику, решать крупномасштабные задачи. И тем не менее, граждане призваны выбирать этих лидеров, по сути, вверять им свои судьбы и судьбы отечества. Получить хоть какое-либо представление о руководителях государства, осмыслить их программы и результаты деятельности граждане могут исключительно через «независимые» средства массовой информации. «Люди, как правило, — справедливо отмечает отечественный исследователь С.Г. Климова, — составляют мнение не о самом политике, а о его образе, предлагаемом СМИ» [Оценка 2001, 97]. Этот образ почти всегда оказывается в большей или меньшей степени искажённым, изображаемым в свете выгодном власти имущим. Видный итальянский философ, историк и политолог Н. Боббио приходит к абсолютно верному выводу о том, что засилье телевидения привело к удручающей инверсии в отношениях между контролирующими и контролируемым: сегодня узкий круг избранных контролирует массы избирателей, а вовсе не наоборот (см.: [Bobbio 1990, XV]). В результате установился режим, который, по определению другого известного итальянского политолога Д. Дзоло, с полным на то основанием можно назвать «постдемократической телеолигархией, где подавляющее большинство граждан не выбирает и не избирает, а остаётся в неведении и подчиняется» [Дзоло 2010, 12]. Как следствие, принятие решений демократическим способом, то есть на основании воли большинства (или даже единогласного волеизъявления всех), **не обеспечивает автоматически их правильность и справедливость.**

Общетеоретическое, философское основание, первопричину описанного недостатка демократии следует искать в своего рода её **априорной антиномичности.** В этом способе формирования, организации и функционирования государственной власти и 20

соответствующей идеологии изначально заложено неразрешимое противоречие. Демократии имманентно присущи две цели, каждая из которых, по-видимому, в одинаковой мере может притязать на то, чтобы считаться первостепенной: стремление к наиболее разумному и справедливому решению или выбору и желание опять же во имя торжества справедливости непременно уравнивать всех членов социума в политической сфере, предоставить всем равные права при принятии решения или осуществлении выбора. Но люди, если иметь в виду их интеллект, нравственные качества, свойства характера, аксиологические установки и проч. далеко не равны и, кстати, никогда и никаким социумом не рассматривались и по сей день не рассматриваются в качестве равноценных и равнозначных единиц. Предоставляя же неравным индивидам равные права, невозможно достичь ни одну из заявленных целей, а именно, во-первых, гарантировать разумность и справедливость решения или выбора, во-вторых, обеспечить соблюдение основополагающего принципа социальной справедливости: воздаяния каждому по заслугам.

Таким образом демократия во многом представляется нам изначально ущербной. Демократической идеологии и соответствующему ей способу формирования государственно-властных структур априори присущи такие (описанные в настоящей статье) пороки, которые и привели к тому, что мировая капиталистическая элита (гипербуржуазия или космократия) сумела полностью приспособить демократию к своим нуждам и использовать её в своих сугубо классовых интересах. Демократия тем самым оказалась **формой властвования, наиболее приемлемой для крупной буржуазии.**

В заключение необходимо отметить следующее. Мы в данной работе вовсе не претендуем на то, чтобы предложить нечто взамен демократии. Допустимые рамки статьи не позволяют этого сделать. К тому же это в принципе чрезвычайно сложно и не под силу одному исследователю: здесь требуются совместные усилия целого коллектива учёных, экспертов, специалистов, представляющих различные отрасли научного знания. Посему мы ограничиваемся критикой демократии и при этом приглашаем коллег-гуманитариев к широкой дискуссии о том, как, каким образом, нивелировав выявленные и другие несомненно имеющиеся её недостатки, создать во многом новую, гораздо более совершенную модель политической организации общества.

Примечания

¹ Мы, как, впрочем, и многие наши коллеги — юристы, философы, политологи, историки, представители других отраслей отечественной обществоведческой науки, в отличие от либерально настроенной, прозападной интеллигенции, абсолютно уверены в том, что распад самой большой страны мира никоим образом нельзя рассматривать в качестве некоего неизбежного и неотвратимого события, обусловленного естественным и объективным ходом исторического развития. Речь в данном случае, конечно же, не идёт ни о его жёсткой детерминированности, ни о роковой фатальности. Совершенно прав З.А. Станкевич, посвятивший значительную часть своего творчества изучению процесса крушения могущественного социалистического государства, заявляя, что «Союз ССР не распался, как утверждают его мнимые друзья и откровенные недруги, а был развален совместными усилиями его вольных и невольных (зablуждающихся) противников как внутри страны, так и за её пределами. Следовательно, история этого государства не закончилась, как это любит преподносить «победившая» сторона, а была оборвана со всеми вытекающими отсюда последствиями» [Станкевич 2016, 15].

² Заметим, что в той или иной степени критическое отношение к демократии демонстрируют не только представители различных отраслей научного знания, но и люди искусства. Их взгляд для нас, конечно же, не менее ценен, ибо творческое осмысление действительности осуществляется отнюдь не только на рациональном уровне. В этой связи позволим себе привести рассуждения о демократии известного французского поэта второй половины XIX века Артюра Рембо, которые, как нам кажется, во многом актуальны и сегодня:

«Знамя ярче на грязи пейзажа, и наша брань заглушает барабанную дробь.

В столицах у нас расцветает самый наглый разврат. Мы потопим в крови любой осмысленный бунт.

Во влажные пряные страны! — на службу самым чудовищным военно-промышленным спрутам.

До встречи тут или там. Мы добровольцы, и наши заповеди жёстки, невежды в науке, в комфорте доки, грядущее пусть подохнет. Пробыл наш час. Вперёд, шагом марш».

³ Абсолютно прав Н.А. Бердяев, когда замечает: «Демократии не означают непременно свободы духа, свободы выбора, этой свободы может быть больше в обществах не демократических». [Бердяев 1991, 468].

⁴ «Люди всегда стремятся к общему благу, — писал ещё великий мыслитель эпохи Просвещения Ж.Ж. Руссо, — но не всегда видят, в чём оно». [Руссо 1988, 219].

⁵ Мы в данном случае полностью солидарны с известным теоретиком права М.Н. Марченко, полагающим, что в «любой нации и народе можно найти и сильную непоколебимую волю (к победе, свободе и т. п.) и безволие; и свободолобие и раболепие; и ярко выраженную целеустремлённость и целевую неопределённость; и перемешанный с цинизмом эгоизм и бескорыстный альтруизм». [Марченко 2001, 209].

⁶ При этом полностью игнорируется справедливое суждение Н.А. Бердяева, звучащее как предостережение: «Народная масса, ни перед чем не благоговящая, всякую святыню отвергшая, лишь себя обожающая и утверждающая, неизбежно разлагается, насыщается духом мещанства, неблагодарна по своим чувствам, плоска по своему сознанию, пошла по своему выражению». [Бердяев 1993, 117].

Источники и переводы — Primary Sources and Russian Translations

Афоризмы 1985 — Афоризмы: По иностранным источникам. Составление П.П. Петрова П.П., Берлина Я.В. Предисловие Н.М. Грибачёва. 3-е издание переработанное, дополненное. М.: Прогресс, 1985 (Petrov P.P., Berlin Ya.V., eds., *Aphorisms*. In Russian).

Бердяев 1990 — *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. В кн.: Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990 (Berdyayev N. *The Philosophy of Inequality*. In Russian).

Бердяев 1991 — *Бердяев Н.* Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991 (Berdyayev N. *The End of Our Time*. In Russian).

Бердяев 1993 — *Бердяев Н.А.* Бунт и покорность в психологии масс. Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. М.: Наука, 1993 (Berdyayev N. *Revolt and Humility in Mass Psychology*. In Russian).

Кирк 2001 — *Кирк Р.* Какая форма правления является наилучшей для счастья человека? (Лекция, прочитанная Р. Кирком в Университете Оклахомы 25 апреля 1956 года). Полис: политические исследования. 2001, № 3. С. 139–148 (Kirk R. *What Is the Best Form of Government for the Happiness of Man?* Russian Translation).

Ленин 1968 — *Ленин В.И.* Успехи американских рабочих. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 22. М.: Изд-во политической литературы, 1968 (Lenin V.I. *Successes of American Workers*. In Russian).

Ленин 1969^a — *Ленин В.И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 37. М.: Изд-во политической литературы, 1969 (Lenin V. I. *The Proletarian Revolution and the Renegade Kautsky*. In Russian),

Ленин 1969^b — *Ленин В.И.* Государство и революция. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 33. М.: Изд-во политической литературы, 1969 (Lenin V. *The State and Revolution*. In Russian).

Ленин 1969^c — *Ленин В.И.* Письма о тактике. Полн. собр. соч., Изд. 5. Т. 31. М.: Изд-во политической литературы, 1969 (Lenin V. I. *Letters on Tactics*. In Russian).

Маркс, Энгельс 1959 — *Маркс К.* К критике политической экономии. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., Изд. 2. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959 (Marx K. *Zur Kritik der politischen Ökonomie*. Russian Translation).

Маркс, Энгельс 1964 — *Энгельс Ф.* Эдуарду Бернштейну в Цюрих. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1964 (Engels F. *Brief an Eduard Bernstein in Zürich am 24. März 1884*. Russian Translation).

Руссо 1988 — *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. М., 1988 (Rousseau J.-J. *Du contrat social ou Principes du droit politique*, Russian translation).

Токвиль 2000 — *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. Перевод с французского. М.: Весь Мир, 2000 (Tocqueville A. *De la démocratie en Amérique*. Russian Translation).

Шиллер 1980 — *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. Перевод с английского. Научный редактор Я.Н. Засульский. М.: Мысль, 1980 (Shiller G. *The Mind Managers*. Russian Translation).

Шопенгауэр 1998 — *Шопенгауэр А.* Под завесой истины: Сборник произведений. Симферополь: «Реноме», 1998. (Schopenhauer A. *Von der Nichtigkeit und dem Leiden des Lebens*. Russian Translation).

Primary Sources

Bobbio, Norberto (1990) *Lutopia capovolta*, La Stampa, Torino.

Ссылки — References in Russian

Борохов 2001 — *Борохов Э.* Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей. М.: АСТ, 2001.

Дзоло 2010 — *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. Пер. с англ. М.: ВШЭ, 2010.

Мальцев 2013 – *Мальцев Г.В.* Культурные традиции права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013
Марченко 2001 – *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права. М.: Юристъ, 2001.
Оценка 2001 – Оценка личностных качеств российских политических лидеров: проблемы измерения и интерпретации. Круглый стол. Полис: политические исследования. 2001, № 1. С. 94–116.
Станкевич 2016 – *Станкевич З.А.* Советский Союз. Обрыв истории. М.: Книжный мир, 2016.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 4. P. 12–23

Capitalism and Democracy

Alexander D. Kerimov

The article deals with the problem of correlation and interaction between the capitalist system and the democratic political regime. According to the author, the top layer of the world bourgeoisie completely subjugated democracy, skillfully adapted its ideology, structures and institutions to their needs. Moreover, it is at the present stage of historical development was the most acceptable for the capitalist elite and therefore the most popular form of its rule.

The explanation of this phenomenon is seen not so much in the skill and virtuosity of those in power, but in the original depravity of democracy itself, in its a priori richness and a variety of defects and shortcomings. The paper analyzes only those that seem to be the most important in the context of this topic. Among such shortcomings, first of all, there is an absolutely insignificant content of democracy. After all, the main principle of the said political regime and the corresponding ideology prescribes always and everywhere to be guided by the will of the majority, regardless of the quality of this will, its direction, purposeful concentration and ideological and moral content.

Another drawback of democracy, which stems directly from the above-mentioned, is that throughout its existence it invariably shows a complete, extremely harmful and therefore extremely depressing inability to ensure in the camp of the ruling class of the state-organized society a permanent and significant presence of the most worthy (in terms of the level of intellectual development, professional skills and moral qualities) representatives of the nation.

KEY WORDS: democracy, capitalism, ideology, political regime, ruling elite, revolution, people, middle class, monarchy, aristocracy.

KERIMOV Alexander D. – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/2, Vernadsky prosp., Moscow, 119606, Russian Federation. “Russian Journal of Legal Studies”, 19/31, Starokonyushenny per., Moscow, 119002, Russian Federation.

DSC in Law, Professor of the RANEPА, Chief Editor of *Russian Journal of Legal Studies*, member of the Expert Council under the High Commissioner for human rights in the Russian Federation

8017498@mail.ru

Received on November 19, 2018.

Citation: Kerimov, Alexander D. (2019) “Capitalism and Democracy”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2019), pp. 12–23.

DOI: 10.31857/S004287440004787-0

References

- Borokhov, Eduard (2001) *Encyclopedia of Aforisms*, AST, Moscow (in Russian).
“Estimations of Russian Political Leaders” Personal Qualities: Problems of Measurement and Interpretation”, *Polis*, Vol. 1 (2001), pp. 94–116 (in Russian).
Maltsev, Gennady V. (2013) *Cultural Traditions of Law*, Norma, INFRA-M, Moscow (in Russian).
Marchenko, Mikhail N. (2001) *Problems of the Theory of State and Law*, Jurist, Moscow (in Russian).
Stankevich, Zigmund A. (2001) *Soviet Union. Break of History*, Knizhnyi Mir, Moscow (in Russian).
Zolo, Danilo (1992) *Democracy and Complexity: a Realist Approach*, Polity Press, Oxford (Russian Translation 2010).